

Клопы и крысы (Рославлев)

Была у мужика лошадь, работал он на ней без малого тридцать лет. Отощала лошадь — кожа да кости, ослепла.

Свел ее мужик в лес, привязал к дереву, да и говорит: «Пусть на тебе черти ездят, а мне тебя такую кормить убыточно».

Прошел год. Случилось мужику быть в том же лесу. Видит — стоит его лошадь на том же месте; только стала она сытая, бока колесом, грива обросла до земли; а глаза, как уголья — так и горят... Обрадовался мужик. Вот, думает, счастье-то... какую привел, а какая стала...

Стал отвязывать ее от дерева, чтобы домой вести, и вдруг слышит голос:

— Э, нет, постой! Дареного, брат, назад не берут... А хочешь взять, так выкупай...

— А какой будет выкуп? — спрашивает мужик.

— А вот какой: в ночь под Рождество мне с левой руки мизинец.

Почесал мужик в голове, посмекал малость и согласился.

Отвязал лошадь и повел к себе. А голос ему вслед и говорит: «Только, брат, помни: что сказано, то сделано. Быка за рога, а мужика за слова».

Привел мужик домой лошадь, стал боронить да пахать, дрова возить, на базар на ней ездить, а сам нет-нет, да и подумает, сколько до Рождества осталось...

Наступила зима. Навалило снегу. Мороз по льду на реке костылем застучал...

Боится мужик. Близко расплата. Конечно, думает: мизинец дело маленькое и, можно сказать, совсем ни к чему, а все ж таки жалко... Да и как он его отымать будет?

Наступил сочельник.

Забился мужик на печку в самый угол, зуб на зуб не попадет от страха...

Ждал, ждал, постучал кто-то к окну.

Пошел отпереть, а сам еле на ногах стоит, так коленки и трясутся...

Глядит: нищий. Седенький такой старичок — в чем душа держится. Вошел в избу, перекрестился, поставил клюку в угол, покряхтел и сел на лавку.

Рассказал ему мужик про свое горе.

— Плохо твое дело, — говорит старик, — придет к тебе сегодня черт.

Затрясло мужика и стал он просить, чтобы помог ему старик.

— Ладно, — говорит тот, — помогу, только в другой раз черных слов не говори... Что тебе лошадь худого сделала? Тебе бы ей за труд в пояски поклониться.

И велел он мужику принести долото и бурав... Долотом продолбил щель в стене и буравом провертел дыру в полу.

Только он это сделал, откуда ни возьмись, зазвенели по улице колокольцы с бубенцами и подкатили к избе три тройки, а на них людей битком набито. Шубы у всех богатые, шапки собольи, а их лица все черные, долгоносые, а уши, как у свиней...

— Пускай, — кричат, — хозяин, гостей, отворяй ворота!

А старик говорит:

— Сиди, помалкивай...

Распахнулась тогда дверь; с гиком, визгом да присвистом ввалились в избу черные гости...

Встал старичок с лавки, перекрестил рот, дунул на них и сказал:

— Пусть половина из вас будет клопами, а половина крысами...

Сгинули гости... И полезли вместо них в ту дыру, что продолбил он долотом в стене, клопы, а в ту, что в полу пробуравил — крысы...

С той поры и клопов и крыс у мужика видимо-невидимо.